

**О древнерусском глаголе *имѣти*,
посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имуу*
в ранних восточнославянских текстах**

© 2019

Мария Наумовна Шевелева

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; mnsheveleva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается употребление глагола *имѣти* и других предикативных посессивных конструкций, а также инфинитивных сочетаний «сложного будущего I» с *имамь* и *имуу* в ранних древнерусских летописях и не книжных текстах. Показано, что в живом древнерусском языке глагол *имѣти* для выражения значения ‘habere’ практически не употреблялся — с самого раннего времени абсолютно доминировала *быти*-конструкция обладания с сочетанием *оу* + Р. п. в значении посессора (типа *оу X (есть) Y*). Преобладание в летописях употреблений с абстрактными именами (типа *любъвь имѣти*, *гнѣвъ имѣти* и т. п.) позволяет предполагать, что в восточнославянской диалектной зоне значение конкретного отчуждаемого обладания глагола *имѣти* не получает активного развития. Соответственно, не получают развития в живом древнерусском языке и модальные обороты *имамь* + инфинитив, семантика которых базируется на значении *имѣти* ‘habere’, — как и *имѣти*-конструкция обладания, они оцениваются как книжные (южнославянизмы). Сочетания *имуу* + инфинитив, впоследствии грамматикализовавшиеся в части восточнославянских диалектов в будущее время, развились на базе значения глагола *яти* ‘взять’.

Ключевые слова: будущее время, вспомогательные глаголы, глаголы обладания, грамматикализация, древнерусский язык, посессивность

Благодарности: Автор сердечно благодарит анонимных рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за ценные замечания.

Для цитирования: Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имуу* в ранних восточнославянских текстах. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 32–50.

DOI: 10.31857/S0373658X0007545-8

**On Old Russian verb *iměti*, possessive constructions
and complex future with *imamь* / *imu* in early East Slavic texts**

Maria N. Sheveleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mnsheveleva@mail.ru

Abstract: The paper examines the use of the verb *iměti* in connection with other possessive constructions and future with auxiliaries *imamь* / *imu* in early Old Russian chronicles and non-literary texts. It is shown that in colloquial Old Russian *iměti* wasn't common, possession was expressed by *byti*-construction with combination *u* + Gen. in the role of possessor. In the 11th–12th centuries chronicles, the use in combination with abstract nouns (periphrastic expressions such as *ljubъвь iměti*, *gněвъ iměti* etc.) is the most frequent. It may be supposed that the meaning of concrete possession ‘habere’ of *iměti* wasn't developed in East Slavic dialect area of early period. The modal constructions “*imamь* + infinitive” based on possessive semantics of *iměti* ‘habere’ weren't developed in Old Russian dialects

either — they are specifically bookish (of South Slavic origin). The constructions “*imu* + infinitive”, which were later grammaticized to future tense in some East Slavic dialects, were developed from the meaning of the verb *jati* ‘take’, ‘get’.

Keywords: auxiliaries, future, grammaticalization, possession, Old Russian, verbs of possession

For citation: Sheveleva M. N. On Old Russian verb *iměti*, possessive constructions and complex future with *imati* / *imu* in early East Slavic texts. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 32–50.

DOI: 10.31857/S0373658X0007545-8

Введение

Как хорошо известно, в современном русском языке, в отличие от большинства других славянских языков, основной конструкцией со значением обладания является конструкция с глаголом *быть* — у меня (есть) *X* [Молошная 1987]. Посессивная конструкция с *иметь* периферийна, используется преимущественно в книжном стиле или в особых синтаксических условиях — в императиве, инфинитиве, причастных и деепричастных формах [Молошная 1987: 93; Гиро-Вебер, Микаэлян 2004: 60–64]. А. В. Исаченко в известной работе о противопоставлении *иметь*- и *быть*-языков [Isačenko 1974] уверенно относит русский к типу «*be*-languages», посчитав имеющиеся конструкции с *иметь* в русском искусственными образованиями — кальками и разнообразными заимствованиями разных эпох. Позднее высказывались сомнения в принадлежности русского языка к классическому *быть*-типу — ситуация, как минимум в современном русском, несколько более сложная (см., например, [Гиро-Вебер, Микаэлян 2004]).

Уже сам факт наличия *иметь*-конструкции в качестве основного способа выражения значения обладания в большинстве славянских языков свидетельствует в пользу ее праславянского происхождения; праславянским, несомненно (и вопреки [Isačenko 1974]), был и сам глагол *имѣти* [ЭССЯ, 8: 226; Фасмер, II: 128–129; Мейе 1951: 167]. При этом в большинстве славянских языков есть и конструкция *y + P* п., хотя нигде она, в отличие от русского, не является доминирующей [Молошная 1987].

Вопрос состоит в том, какова была ситуация в древнерусском, — до сих пор это остается очень мало изученным, тем более с учетом возможных различий между текстами разной регистровой принадлежности. Редкий случай работы, специально посвященной исследованию глагола *имѣти* на древнерусском материале, представляет статья [Dingley 1995]: автор приходит к выводу о наличии посессивных *имѣти*-конструкций в древнерусском языке старшего периода на основании их употребления в «небиблейских» частях (“nonbiblical”, “vernacular” sections) Повести временных лет [Ibid.: 84–85]. Надо иметь, однако, в виду, что летописи, особенно раннего времени, могут представлять достаточно книжное употребление не только в составе «библейских» пассажей и, в силу своей «гибридной» природы, сочетать книжные и не книжные грамматические черты в пределах одного контекста (о специфике гибридного регистра письменного языка и летописной традиции см. [Живов 2004: 49, 65–69; 2017: 231–271]). Необходимо исследование ранних летописей с точки зрения представленности в них *имѣти*- и *быти*-конструкций со значением обладания в сопоставлении с показаниями не книжных текстов и с учетом данных книжной церковнославянской традиции.

С вопросом о статусе в древнерусском языке глагола *имѣти* тесно связан и вопрос об инфинитивных сочетаниях так называемого «будущего сложного I» с глаголом *имѣти* — модальных оборотах типа *имамъ*+инфинитив, представленных в восточнославянской традиции (в отличие от южнославянской) только в книжных текстах [Кузнецов 1953: 254–255; Гудков 1963: 44; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Юрьева 2011; Шевелева 2017: 203–211]. Модальная семантика этих оборотов — выражение неизбежности, неотвратимости наступления указанной ситуации [Потебня 1888: 364; Мустафина, Хабургаев 1985: 25–28; Юрьева 2011: 68–74], что может быть трактовано как модальное значение внешней

необходимости [Шевелева 2017: 204–215]. Она развивается, несомненно, на базе основного значения глагола *имѣти* ‘обладать, habere’ ([Там же: 205], см. также [Юрьева 2011: 71]). Тем самым развитие этой модальной конструкции оказывается напрямую связанным с наличием в системе конструкции обладания с глаголом *имѣти*. По-видимому, между этими параметрами — доминированием в языке *имѣть*-конструкции со значением обладания и наличием и последующим развитием модальной инфинитивной конструкции с тем же глаголом — в славянских языках существует определенная взаимосвязь. Для древнерусского и последующей истории русского языка все это остается еще очень мало изученным.

Спорным остается и вопрос о статусе инфинитивных конструкций с *иму* (исконно от *яти* ‘взять’), с XIII в. широко распространяющихся в древнерусской некнижной письменности и впоследствии грамматикализовавшихся в части вост.-слав. диалектов в будущее время (в украинском, белорусском и части севернорусских говоров); см. [Борковский 1949: 147–148; Юрьева 2011: 86] и др. Соотносимы ли они с той же конструкцией с глаголом *имѣти* с заменой нетематического *имать* на тематический *иметь* и при этом утратой модального значения, как предполагал П. С. Кузнецов [1959: 236], или это изначально была особая конструкция со своим собственным семантическим развитием — все это нуждается в исследовании на древнерусском материале с учетом данных других славянских языков.

Рассмотрим сначала ситуацию с самим глаголом *имѣти* по данным ранних древнерусских памятников.

1. Глагол *имѣти* в ранних летописях и в некнижных текстах

1.1. В Повести временных лет [ПВЛ] глагол *имѣти* вполне употребителен: он встречается как в значении собственно обладания ‘habere’ с конкретными существительными (*Антонии бо не имѣхъ заата ни сребра* ПВЛ, 1051 г., Лавр., л. 54 = Ипат., л. 59 об.; *мало имашаи вои* ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об. = Ипат., л. 80 об. и т. п.), так и с абстрактными именами типа *любъзъ имѣти*, *гнѣвъ имѣти*, *печаль имѣти*, *вздържаніе имѣти* и т. п.¹ При этом обращает на себя внимание тот факт, что случаев употребления *имѣти* с конкретными именами в значении ‘habere’ в ПВЛ существенно меньше, чем примеров второго типа (с абстрактными именами), — более чем в два раза (14 : 33). И те и другие употребления встречаются на протяжении всего текста ПВЛ — в разных ее частях, как ранней, так и поздней, — текстологического распределения или хронологической динамики не обнаруживается.

Ср. примеры свободного употребления *имѣти* в значении ‘обладать, habere’ из ранней части ПВЛ (1)–(3) и подобные примеры из более поздних частей ПВЛ (4)–(7).

- (1) *Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморяа имаше власть свою в Полоцьскѣ* (ПВЛ, 980 г., л. 23 об. = Ипат., л. 30, здесь *власть* — ‘область, находящаяся во владении’) — рассказ о вокняжении Владимира в Киеве, принадлежащий древнейшему «ядру» ПВЛ [Гиппиус 2001; 2012: 54];
- (2) *Слышу же се тако сестру имата двюю* (ПВЛ, 988 г., Лавр., л. 37 об., Ипат. — *имаете*, л. 41 об.). ‘Я слышу (мне рассказали), что вы (двое) имаете сестру незамужнюю (девицею)’ = ‘у вас есть незамужняя сестра’ — рассказ о сватовстве Владимира к греческой царевне;

¹ Хотя употребление глагола *имѣти* в Лавр. списке ПВЛ уже рассматривалось в работе [Dingley 1995], представляется полезным привести наши собственные данные по старшим спискам ПВЛ с учетом ряда параметров, в названной работе не рассматривавшихся, а также в соотношении с *быти*-конструкцией обладания.

- (3) *Уто можете створити на^ѣ. **имѣмъ** бо кормлю ѿ землѣ* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44 об. = Ипат., л. 48) ‘мы имеем пищу из земли’ — рассказ о белгородском киселе, также принадлежащий древнейшей части ПВЛ, и др.;
- (4) *В си же времена бы^ѣ знаменье на западѣ звѣзда превелика лучѣ **имущи** акы кровавы* (ПВЛ, 1065 г., Лавр., л. 55 об. = Ипат., л. 61) ‘...звезда, имеющая лучи словно кровавые’;
- (5) *...дотиснувъся палцемъ в ѡшию **бѣ** бо **имѣя** под ногтемъ растворенье смѣтное и вдасть князю* (ПВЛ, 1066 г., Лавр., л. 56 = Ипат., л. 62) ‘у него был под ногтем яд’ — рассказ об отравлении князя Ростислава в Тмутаракани;
- (6) *Кудесникъ же вставъ рече^ѣ // Новгородцю. Ъзи не смѣють прити нѣчто **имаша** на собѣ негоже бога^тса. ѡн же поманувъ на собѣ крѣ^тъ и ѡше^{дъ} постави* (Ипат. повѣси) *кромѣ храминны то^е* (ПВЛ, 1071 г., Лавр., л. 60 об. = Ипат., л. 66) ‘нечто имеешь на себе (крест)’ — из рассказа о волхвах в Новгороде;
- (7) *И рѣша ему^ѣ мужи смыслени. не кушанса противу имъ. іако мало **имаша** вои. ѡн же рече^ѣ **имѣю** отрокъ свой^ѣ. ѿ: иже могутъ // противу имъ стати* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об.–73 = Ипат., л. 80 об.) ‘мало имеешь воинов’ = ‘у тебя мало воинов’ — ‘имею 700 своих отроков’ = ‘у меня есть 700 отроков (своей дружины)’ — и др.

Во всех этих и подобных примерах *имѣти* употребляется как в нормальных *have*-языках и как сейчас в большинстве славянских языков — но не в современном русском, где абсолютное большинство этих контекстов (за исключением причастных) имело бы нормальное соответствие с *быть*-конструкцией обладания типа ‘у тебя (есть) / был’.

Напомним, что рассмотренные примеры свободного употребления *имѣти* ‘habere’ не составляют в тексте ПВЛ большинства — гораздо чаще мы имеем связанное употребление в сочетании с абстрактными именами, обозначающими некоторое эмоциональное (душевное) состояние или свойство, часто нравственное, а также некоторые нравственные и социальные отношения (*любовь имѣти*, *гнѣвъ имѣти*, *печаль имѣти*, *обыкан имѣти*, *миръ имѣти*, *радъ имѣти*, *пярю / распярю имѣти*, *брань имѣти*, *тѣцанье имѣти*, *вздържанье и поцѣенье имѣти*, *заповѣдь имѣти*, *покаянье имѣти* и др.). Перед нами типичные перифрастические обороты, обозначающие свойства / качества / отношения данного лица, а не собственно обладание некоторым объектом, ср. характеристику данного значения глагола *имѣти* в исторических словарях: «С сущ. образует сочетания, обозначающие действие или состояние со значением сущ. *Имѣти воздержание, лѣсть, любовь, миръ, наказание, отвѣтъ, постъ, розмирье, чѣсть* и т. д.» [СлРЯ XI–XVII вв., 6: 229], ср. то же [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 151]. Большинство из таких оборотов — в том числе в языке древнерусских текстов — имеет синонимичные глаголы, например: *любовь имѣти* — *любити*, *гнѣвъ имѣти* — *гнѣвати са* [Срезневский, I: 526–527], *печаль имѣти* — *печаловати* [Срезневский, II: 922], *радъ имѣти* — *радити са* [Срезневский, III: 230] и др., ср. использование этих синонимичных средств в рамках одного контекста в ПВЛ (8).

- (8) *Володимеръ бо такъ баше любезнивъ. **любовь имѣя** к митрополитѣ^ѣ и къ епѣмъ. и къ игуменѣ^ѣ. па^{че} же и чернецьскыи чинъ **люба**. и черници **люба*** (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 89 = Ипат., л. 90 об.) — панегирик Владимиру из Повести об ослеплении Василька.

Даже если такого точного глагольного соответствия нет, семантические отношения в этих перифрастических оборотах «*имѣти* + абстрактное имя» остаются теми же самыми: обозначается состояние или свойство (занятие) указанного лица, названное соответствующим существительным.

Самым частотным из сочетаний такого рода в ПВЛ оказывается оборот *любовь имѣти* — см. пример (8), ср. также в значении ‘иметь мирные отношения, находиться в состоянии мира’ (9)–(10). Ср. некоторые примеры с другими существительными (11)–(15).

- (9) *Стополкъ же исполнивъся безаконьа. Киновъ смыслъ примъ. посылаа к Борису ѿше. іако с тобою хочю **ЛЮБОВЬ** **ИМѢТИ*** (ПВЛ, 1015 г., л. 45 об. = Ипат., л. 50);
- (10) *...на Дѣда пришеаъ есмь. а с вама хочю **ИМѢТИ** **МИРЪ** и **ЛЮБОВЬ*** (ПВЛ, 1097 г., Повесть об ослеплении Василька, Лавр., л. 90 об. = Ипат., л. 92 об.);
- (11) *Аще ли хочещи **ГНѢВЪ** **ИМѢТИ** и погубити гра^ѧ. то вѣси іако нама жалъ ѿтна стола* (ПВЛ, 1069 г., Лавр., л. 58 об.; Ипат. — *аще ли хочещи **ГНѢВОМЪ** **ИТИ** и погубити гра^ѧ*, л. 64 об.);
- (12) *И на часта **ГНѢВЪ** **ИМѢТИ** на Вага іако не шедшо ѿму с нима на поганьа* (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л. 76) — ср. в версии Ипат. летописи замену на соответствующий глагол: *И на часта **ГНѢВАТИСЯ** на Вага іако не шедшо ѿму на поганьа с нима* (1095 г., Ипат., л. 84);
- (13) *И рѣша има мужи смыслени. почто вы **распра** **имате** (РА-ИМАТА) межи собою* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 73; Ипат. — *распрю имата межи собою*, л. 80 об.);
- (14) *Стополкъ же многу **прю** **ИМѢВЪ** с ними* (ПВЛ, 1102 г., Лавр., л. 93; Ипат. — *имѣ прю*, л. 95);
- (15) *И к симъ **воздержанье** **ИМѢТИ** ѿ многого брашна* (ПВЛ, 1074 г., Поучение Феодосия Печерского, Лавр., л. 62 = Ипат., л. 68) и др.

Современный русский язык тоже знает подобные обороты с *иметь* и абстрактными именами (*иметь право, иметь терпение, иметь мужество* и т. д.) — их обычно считают результатом заимствований в литературном языке нового времени, однако наличие конструкций типа *любъвъ имѣти* в языке древних вост.-слав. памятников позволило говорить о более сложном процессе в литературном языке XVIII–XIX вв. — активизации модели перифрастических оборотов с *иметь*, обусловленной «одновременно наличием этой модели в русском языке и влиянием *иметь-языков*» [Гиро-Вебер, Микаэлян 2004: 57].

Вопрос состоит в том, в какой мере такие обороты действительно были свойственны живому древнерусскому и впоследствии русскому языку, каков их генезис на славянской и собственно восточнославянской почве и в каком отношении это значение (употребление) глагола *имѣти* находилось к его употреблению в собственно посессивном значении ‘обладать, habere’.

Э. Бенвенист [1952/2002: 211], трактовавший глагол «иметь» как «псевдотранзитивный», поскольку «[м]ежду субъектом и объектом глагола “иметь” не может существовать отношение переходности, когда действие предполагается переходящим на объект и видоизменяющим его» (он вообще не выражает действия и именно потому не может быть переведен в пассив) предлагал считать «иметь» глаголом **состояния** и обращал внимание на редкость наличия специальной лексемы «иметь» в языках мира [Там же: 211, 213]. Даже для и.-е. языков соответствующий глагол — «это позднее приобретение» [Там же: 211]. Именно потому, что «иметь» изначально является глаголом состояния, он широко используется многими языками — в том числе и даже в особенности древними — «в описательных оборотах, передающих субъективные состояния: “испытывать голод, холод, желание...”» [Там же: 214]. Сам глагол «иметь» в таких оборотах, как отмечает Бенвенист, означает только состояние субъекта и во многих древних языках и формально принадлежит к классу глаголов состояния, а перифрастические обороты с «иметь» используются как синонимы соответствующих глаголов состояния [Там же: 214].

Обратим внимание, что и славянский глагол *имѣти* формально принадлежит к классу глаголов состояния: это глагол на -ѣ < *ѣ с нулевой ступенью вокализма корня (*jъmĕti) — характеристики, свойственные славянским стативным глаголам (ср. *мынѣти, вѣдѣти, трѣпѣти, дрѣжати, млѣжати* и т. п.) [Мейе 1951: 167, 188; ЭССЯ, 8: 226].

Таким образом, наши описательные обороты с *имѣти* ранних славянских текстов находят семантическое соответствие в других и.-е. языках, в том числе древних, при том что сама лексема *imĕti* к и.-е. древности не восходит [ЭССЯ, 8: 226–227; Фасмер, II: 128]. Есть основания предполагать, что засвидетельствованные ранними древнерусскими летописями

обороты типа *любъвъ имѣти* и т. п. представляют собой праславянское наследие², а по своей структуре, находящей типологическое соответствие в других древних языках, очень архаичны. Преобладание в языке ранних вост.-слав. текстов таких употреблений *имѣти* над его употреблениями в значении ‘habere’ может быть следом большей древности этого значения состояния субъекта по названному признаку сравнительно с генетически более поздним значением собственно обладания (ср. выше изложение аргументации Бенвениста [1952/2002]). Для эпохи XI–XII вв. это первичное значение славянского глагола *имѣти* еще вполне могло здесь оставаться доминирующим.

Помимо преобладающего значения *имѣти* в перифрастических оборотах и собственно значения ‘habere’, в ПВЛ встречается также употребление *имѣти* в значении ‘считать, признавать кого-л. кем-л., в качестве кого-л.’ [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 150], ср. [СлРЯ XI–XVII вв., 6: 229; Срезневский, I: 1096]. Это устойчивые обороты указания на ближайшие родственные и социальные отношения *имѣти въ отца мѣсто* (или *акы ѿца / брат(а) / сын(а) собѣ*) и конструкция с Т. п. имени, ср. (16)–(17).

(16) *Володимеръ же посла къ Блуду воеводѣ Ярополчю съ лествю глѣ. поприин ми аще оубыю брата своего. имѣти та хощю во ѿца мѣсто и многу чѣсть возьмешъ ѿ мене* (ПВЛ, 980 г., Лавр., л. 24; РА, Ипат. — *имѣти та начну въ ѿца мѣсто свое*, л. 30) — древнейшее «ядро» ПВЛ, наиболее архаичная часть летописи [Гиппиус 2012: 54].

(17) *Вы же кого хощете игуменомъ имѣти собѣ* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 62 об.; Ипат. — *игуменомъ поставити собѣ*, л. 68 об.) — рассказ об избрании преемника Феодосия Печерского.

Такие употребления *имѣти* тоже, очевидно, достаточно древние — особенно связанные с характеристикой отношений, отождествляемых с родственными.

Обратим внимание на то, что контексты с глаголом *имѣти* в абсолютном большинстве случаев не имеют разночтений по старшим спискам ПВЛ, причем встречаются эти контексты, в том числе с перифрастическими оборотами типа *любъвъ имѣти* и с фразеологизмом *имѣти въ ѿца мѣсто*, в разных частях летописи, включая ее древнейший слой — так называемое первоначальное «ядро» (Древнейший свод), которое может быть возведено к первой половине XI в. [Гиппиус 2001]. Такие совпадающие чтения можно с высокой степенью вероятности возводить к первоначальному тексту летописи: читающиеся в древнейших частях — к лежащему в основе ПВЛ Древнейшему своду, в более поздних частях — к более поздним сводам втор. пол. XI в. или атрибутировать составителю ПВЛ нач. XII в. Все это подтверждает архаичность представленной в ПВЛ картины употребления глагола *имѣти*, которая с уверенностью может быть отнесена к XI — самому началу XII в.

Лишь в немногих случаях в версии Ипат. летописи, отражающей 2-ю редакцию ПВЛ, встречаются замены сочетаний *имѣти* + абстрактное имя на соответствующий глагол или замена самого *имѣти* на полнозначный глагол действия: *И на чѣста гнѣвъ имѣти на Улга* (1095 г., Лавр., л. 76) — *И на чѣста гнѣвати са на Улга* (Ипат., л. 84); *не въдыи асти юже имаше на нь дѣдз* (1097 г., Лавр., л. 87 об.) — *... юже коваше на нь дѣдз* (Ипат., л. 88 об.); *игуменомъ имѣти собѣ* (1074 г., Лавр., л. 62 об.) — *игуменомъ поставити собѣ* (Ипат., 68 об.); ср. выше в примерах (12), (17). Чтение Лавр. летописи, по всей видимости, первично — отраженная в Ипат. летописи 2-я редакция ПВЛ здесь, скорее всего, текст подновляет.

Надо сказать, что примерное соотношение представленности основных значений *имѣти*, характерное для ПВЛ, в основном сохраняется и в летописях XII в. Так, в Киевской летописи XII в. [КЛ] в перифрастических оборотах с абстрактными именами глагол *имѣти*

² Подобные обороты отмечаются и в ст.-слав. текстах, при этом лексический состав их, если судить по данным [SJS, I: 767–768; CCC: 260], не полностью тождествен представленному в вост.-слав. источниках: общим является само значение *имѣти* в таких сочетаниях с абстрактными именами и модель «сущ., обозначающими действие, состояние или свойство» (словари предлагают даже трактовать *имѣти* в таких сочетаниях как неполнозначный глагол) [CCC: 260].

встречается чаще всего (43 примера), частотно и его употребление в конструкциях типа *имѣти кого-л. кем-л. (акы кого-л.)* и т. п. (21 пример), и совсем редок он в значении собственно обладания ‘habere’ (10 примеров), см. об этом также [Калинина 2019] — разрыв в представленности первого и последнего значений оказывается еще более значительным, чем в ПВЛ (ср. выше).

Встает вопрос оценки имеющихся в летописях употреблений глагола *имѣти* не только с точки зрения их архаичности, но и с точки зрения степени книжности и отношения к ситуации в живом древнерусском языке.

КЛ гораздо менее книжная, чем ПВЛ, а прямая речь персонажей в КЛ по многим параметрам приближается к древнерусским некнижным текстам [Зализняк 2008: 55]. При этом частотность оборотов типа *любъвь имѣти* здесь остается вполне высокой, оборотов типа *имѣти ѿѣмъ совѣ (въ ѿца мѣсто)* — даже более высокой, чем в ПВЛ, а употребительность в значении ‘habere’ с конкретными именами — низкой.

Основным способом выражения значения обладания в КЛ оказывается конструкция с глаголом *быти* — «*оу + Р. п. + быти* в 3 л. (или \emptyset в презенсе)», встречающаяся, хотя и не так широко, уже в ПВЛ (см. об этом ниже).

Прежде чем перейти к рассмотрению этой хорошо нам известной *быти*-конструкции обладания в ее соотношении с *имѣти*-конструкцией по данным летописей и других ранних вост.-слав. текстов, приведем данные об употреблении глагола *имѣти* в древнерусских некнижных текстах.

1.2. В новгородских берестяных грамотах материал по глаголу *имѣти* скуден (всего пять примеров) — глагол малоупотребителен.

Два примера (18)–(19) читаются в известной грамоте № 752 перв. пол. XII в. — любовном письме молодой женщины, явно образованной и знакомой с литературным языком [Зализняк 2004: 249–251]. Замечательно, что здесь *имѣти* выступает в тех же, что и в ранних летописях, устойчивых сочетаниях с именами.

(18) *цѣтъ до мнь зѣла имееши* ‘Что за зло ты против меня имеешь...’ № 752 — ср. рассмотренные выше перифрастические обороты типа *любъвь имѣти*, *гнѣвъ имѣти* и т. п. в ПВЛ;

(19) *а азъ та есмѣла* (вместо *есмь имѣла*) *акы братъ совѣ* № 752 — ср. широко представленные в летописях формулы указания на близкие отношения типа *имѣти въ ѿца мѣсто / имѣти акы ѿца совѣ* (см. выше), ср. также приводимые А. А. Зализняком параллели из ГВЛ XIII в. и других, преимущественно книжных, текстов: *даи ми та бѣ имѣти акы ѿца совѣ* (Ипат., 1287 г., л. 292), *имѣла та есмь акы ѿца совѣ* (Ипат., 1288 г., л. 301), ... *имѣи акы брата или сѣна* (Измагад, СлРЯ XI–XVII вв., 1: 26) и др. [Зализняк 2004: 252]³.

Грамота № 752 содержит ряд других этикетных формул — все они, по всей видимости, представляют собой черты литературности этого послания [Там же: 250–254].

В комментарии к грамоте № 752 А. А. Зализняк осторожно высказывает предположение, что «сам глагол *имѣти*, по-видимому, носил оттенок книжности: подавляющая часть примеров этого глагола, собранных в словарях, происходит из книжных памятников. В берестяных грамотах, кроме этой, он встретился только в монашеском письме № 503 и в фрагменте (возможно, какого-то официального послания) № 886» [Там же: 252].

В грамоте № 886 перв. трети XII в. *имѣти*, скорее всего, тоже употребляется в конструкции *имѣти кого-л. кем-л.* ‘считать, признавать в качестве кого-л.’ — ср. сохранившийся фрагмент контекста (20). Грамота № 503 перв. пол. XII в. — монашеское письмо,

³ «Формула *имѣла акы братъ совѣ* выражает высшую степень привязанности и доверия (‘относилась как к родному’))» [Зализняк 2004: 252].

изобилиующее церк.-слав. элементами, — представляет употребление *имѣти*, причем в книжной нетематической форме (см. об этом ниже), в собственно значении ‘обладать’ (21).

(20) *али ма имѣ[т]...* № 886 [Зализняк 2004: 275].

(21) *...л[з] века ж в[а]сѣ а нына не [и](м)[амь вѣ]лости лише вѣсѣ* (вместо *васѣ* — описка предвосхищения) ... № 503 ‘[Я провел (?) пол]жизни у вас и ныне не имею [никакого] достояния, кроме вас ...’ [Зализняк 2004: 295]. Как мы видим, конкретное значение обладания представлено отнюдь не в менее книжном контексте, чем в сочетании с абстрактными именами и в формулах типа *имѣти акы братъ собѣ*. Менее книжным такое употребление *имѣти* для древнерусского языка явно не является.

Помимо этих примеров, *имѣти* обнаружился еще в грамоте № 1014 середины XII в. Грамота черт книжности не содержит (единственный случай такого рода из всех с глаголом *имѣти* в берестяных грамотах), речь в ней идет о каких-то купеческих операциях. Сохранилась она фрагментарно, ср. контекст с глаголом *имѣти* (22).

(22) *...[и]мѣти отъ зюу осмию на де(сатѣ)...* № 1014 — вероятно, недописанное *отъ зюуба* или *отъ зюуа* (собств.), «выражение *имѣти отъ зюуба* можно было бы понимать приблизительно как ‘получить на долю’» [НБГ XII: 114].

Обратим внимание, что *имѣти* здесь выступает фактически в значении ‘взять, получить’, т. е. в значении СВ. Как и некоторые другие *ѣ-глаголы психического состояния и восприятия (*хотѣти*, *видѣти*, *слышати* и др.), глагол *имѣти* в ранних славянских текстах вел себя как неохарактеризованный по виду и мог употребляться в значении СВ, ср. в контексте из ранней части ПВЛ: *Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ* (ПВЛ, 970 г., Лавр., л. 21 об. = НПЛ мл., л. 40) ‘Если же побегим, позор будем иметь (возьмем, приобретем)’ (см. об этом [Шевелева 2017: 207, примеч. 7]). Такое употребление *имѣти*, видимо, не зависело от степени книжности текста — оно связано с аспектуальной характеристикой этого глагола в древнерусскую эпоху.

В целом же, как мы видим, по свидетельству некнижных источников, глагол *имѣти* отнюдь не был основным средством выражения значения обладания в др.-русс. языке раннего периода: немногочисленные случаи его использования в берестяных грамотах связаны либо с устойчивыми именными сочетаниями, хорошо известными в летописной традиции, либо — в собственно значении ‘обладать’ — представлены в грамоте несомненно книжного характера (№ 503); в наименее книжной грамоте с *имѣти* (№ 1014) этот глагол употреблен в значении *яти* ‘взять, получить’.

Обратим внимание при этом, что *имѣти* нельзя считать совершенно чуждым живому древнерусскому языку — он древнерусской системе был явно известен, о чем свидетельствует замена исконного нетематического спряжения *имамъ*, *имаша* и т. д. на тематическое *имѣю*, *имѣеши* и т. д. В материале берестяных грамот большинство примеров презентных форм — от этой тематической основы 3 класса, ср. выше *имеши* (№ 752), *имѣе[т]* (№ 886)⁴; только в книжной грамоте № 503 употреблено нетематическое *имамъ*⁵.

В материале летописей, в том числе уже в ПВЛ, новые тематические формы типа *имѣю* тоже встречаются нередко, при этом совпадение ряда таких чтений по старшим спискам ПВЛ свидетельствует об их принадлежности исконному тексту летописи, ср.: *имѣемъ бо кормлю ѿ землѣ* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44 об. = Ипат., л. 48); *бѣ бо имѣа под ногтемъ растворенье смртное* (ПВЛ, 1066 г., Лавр., л. 56 = Ипат., л. 62); *имѣю отрокъ своихъ ѿ* (ПВЛ, 1093 г., Лавр.,

⁴ Ср. комментарий А. А. Зализняка к грамоте № 752 о том, что презенс глагола *имѣти* представлен в характерном для русского, а не церк.-слав. языка варианте [Зализняк 2004: 252].

⁵ Нетематическая форма *имуще* (прич.) читается также в церк.-слав. берестяном тексте XIV–XV в. — грамоте № 930, содержащей известный заговор против лихорадки, язык которого — «ц.-сл. с ошибками» [Там же: 694].

л. 72 об. = Ипат., л. 80 об.); *Аще ли бѣ глаголь имѣеть снъ твои. то пошли* и (ПВЛ, 1102 г., Лавр., л. 93 = Ипат., л. 95); *тицѣны имѣа к црквамъ* (1078 г., Лавр., л. 67 = Ипат., л. 74) и др.

Такие тематические формы известны многим ранним вост.-слав. текстам, в том числе книжным, ср.: *имѣаши* Изб. 1076, 14 об., 15 об.; *имѣють* Устав Студийский XII/XIII вв., 224, 243; *не имѣю* Сборник Троицкий XII/XIII вв., 16 об. и др. [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 151–152]⁶. Несомненно, в вост.-слав. диалектах нетематические формы типа *имамъ*, *имаши* были вытеснены этим тематическим спряжением уже в раннюю (может быть, и в дописьменную) эпоху и уже с самого раннего времени стали допустимыми и для церк.-слав. нормы русского извода.

Все это свидетельствует о том, что сам глагол *имѣти* был вост.-слав. диалектам известен. Однако основным средством выражения семантики обладания он в древнерусском языке не был.

Не был он таковым и для др.-русс. летописной традиции — в отличие от канонических церк.-слав. текстов и от ст.-слав. языка, где *имѣти* широко используется в значении ‘habere’⁷.

2. Конструкция «*оу* + Р. п. + *быти* в 3 лице» в раннедревнерусских текстах

Основным способом выражения значения обладания в раннедревнерусских не книжных текстах является конструкция типа «*у* *Х* (есть) *У*» — с глаголом *быти* и Р. п. с предлогом *оу* в значении посессора; преобладающей она становится и в летописной традиции XII в.

Эта хорошо нам известная *быть*-конструкция обладания, несомненно, имеет праславянское происхождение: она известна практически всем славянским языкам [Молошная 1987] и засвидетельствована в памятниках с самого раннего времени, в том числе в старославянских. Ср. в [ССС] указание одного из значений предлога *оу*: «4. при обозначении лица, у которого имеется, находится что-л. <...>: *ѣдѣште і пыѣште. Ъже сѣтъ оу нѣхъ* Л10, 7 Зогр Мар; <...> *оу тебе естъ дръжава* Евх 64а 7; *воды же оу нею бѣхъ* ма не бѣаши Супр 547, 29» [ССС: 719], ср. также посессивное значение предлога *оу* в [SJS, IV]: «*оу кого (быти) мѣт; иметь, (есть) у кого-н. <...>: кѣде оу насъ въ поуствѣ мѣствѣ хлѣбъ* только. *іако насытити народъ коликъ* Mt 15: 33 Sav <...>; *имѣнѣ нѣсть ѿ наю* Hom, van Wijk 109, 31» и др. [SJS, IV: 570]; ср. то же значение предлога *оу* в вост.-слав. памятниках по данным словарей — «для обозначения принадлежности, ближайшего отношения» (дается как знач. 2 после первого пространственного значения «при, подле»): *Се бѣ искони оу бѣ* Ио. 1, 2 Остр. ев.; *Тако быша ѿнове мнози оу Владимира* Нест. Бор. Гл.; *Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломи латинскими* Сл.плк.Игор. и др. [Срезневский, III: 1107–1108]; «[у]потребляется при обозначении обладания чем-л.»: *У Тебе есть источникъ живота* Псалт. Б-С., 22. XI в.; *бѣ бо рече у Соломана женъ .ѿ. а наложницъ .ѿ.* ПВЛ, Лавр., 80 и др. [СлРЯ XI–XVII вв., 30: 303]. Контексты употребления *быти*-конструкции обладания, как мы видим, есть и вполне книжные — ее знала и церк.-слав. традиция, восходящая к старославянской.

По-видимому, праславянскими были обе конструкции обладания — и с *быти*, и с *имѣти*, — причем *быти*-конструкция, вероятно, даже более древняя⁸. Важно, в каком

⁶ В [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 151] указывается на наличие в картотеке более 1000 примеров таких форм.

⁷ Ср. многочисленные ст.-слав. евангельские примеры типа: *ѿкъ етеръ имѣ дѣва сѣа* Л.15, 11 (Зогр. и др.); *лиси ѣзвыни имѣтъ* Мт.8, 20 (Зогр., Мар., Ас., Сав.); *къ ѿкъ отъ васъ имы сѣто овыць і погоубль еднѣхъ отъ нѣхъ...* Л.15, 4 (Зогр. и др.); *пять бо мѣжь имѣла еси і нынѣ егоже имаша нѣствъ ти мѣжь* И.4, 18 (Зогр., Мар., Ас., Сав.); *іже бо аште имѣтъ дастъ са емоу. а іже не имѣтъ. і еже имѣтъ отыметъ са отъ него* Мк. 4, 25 (Мар., Зогр.) [ССС: 259–260; SJS, I: 767] и др.

⁸ Ср. суждение Бенвениста [1952/2002: 212] о том, что конструкции типа «быть у» являются в большинстве языков наиболее распространенным выражением отношения обладания

соотношении находились эти конструкции. Конструкция с *быти* и предлогом *оу* + Р. п., возникшая на базе пространственной метафоры («обладание выражается как нахождение в личном пространстве обладателя» [Плунгян 2011: 237]), восходит к дописьменной эпохе, однако в большей части славянского мира она сейчас основной не является. Вполне вероятно, что в южнославянских диалектах (по крайней мере, в болгаро-македонских, отразившихся в ст.-слав. языке) она употреблялась наравне с *имѣти*-конструкцией или даже уступала последней уже в эпоху старейших памятников (хотя однозначные выводы на материале ст.-слав. текстов делать трудно, учитывая возможность влияния греческих оригиналов). Во всяком случае, в книжной церк.-слав. традиции *имѣти*-конструкция обладания с самого раннего времени становится основной.

Однако в неких др.-русск. текстах и даже в летописях, представляющих гибридный регистр книжного языка (см. выше), основной с раннего времени является конструкция *оу* + Р. п. посессора.

Уже в ПВЛ, несмотря на ее достаточно книжный характер, конструкция *оу* + Р. п. немногим уступает в употребительности *имѣти*-конструкции в значении ‘habere’. См. примеры *оу* + Р. п. с бытийным глаголом из ранней части ПВЛ (23)–(24). Ср. примеры из более поздней части ПВЛ (25)–(27).

- (23) *Кнѧже естъ оу мене ѿнѧ менѣшии дома. а с ѡчетырьми ѡемь вышелъ. а онъ дома* (ПВЛ, 992 г., Лавр., л. 42 об. = Ипат., 993 г., л. 46).
- (24) *И не бѣ лѣтъ Володимеру помочи. не бѣ бо вои* (Р. мн.) *оу него* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44) ‘не было у него воинов’ — при отрицании И. п. обладаемого заменяется на Р. п. — конструкция становится безличной.
- (25) *А се оу тебе естъ Игдзревичъ. любо ѡбни любо и даи нама* (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л. 76 = Ипат., л. 84).
- (26) *Нынѣ оу вѣсѣ нѣ меу ни скоры* (ПВЛ, 946 г., Лавр., л. 16 об., «4-я месь Ольга» — вставка составителя ПВЛ; Ипат.: *нынѣ оу вѣ нѣту меу ни скоры*, л. 23 об.).
- (27) В настоящем времени *естъ* может опускаться, ср.: *Се дружина оу тебе отъна и вои. поиди сади Кыевъ на столѣ ѡгни* (ПВЛ, 1015 г., Лавр., л. 45 об. = Ипат., л. 49 об.)⁹.

Заметим, что большинство этих примеров *быти*-конструкции с *оу* + Р. п. читаются в ПВЛ в прямой речи — наиболее благоприятном для отражения черт не книжного синтаксиса в летописном тексте режиме.

Стоит еще обратить внимание на два примера в тексте ПВЛ (28)–(29), где посессивный оборот *оу* + Р. п. выступает не при глаголе *быти*, а при глаголе *имѣти*.

- (28) *и повѣдаху каждо своимъ ѡ бывшемъ и ѡ ладнѣмъ ѡгни. како же молоньѧ рѣ ниже на нѣхъ Гръци имуть оу собе* (ПВЛ, 941 г., Лавр., л. 10 об. = Ипат., л. 17 об.);

и развитие, по имеющимся данным истории конкретных языков, «идет от типа “mihi est” к “habeo”, но не наоборот». Древнерусские данные, вопреки [Dingley 1995: 85], никак не противоречат этой идее.

⁹ На имеющемся материале ПВЛ нет возможности установить, существовали ли семантические различия между конструкциями с опущенным vs. представленным *естъ*, т. е. моделями типа «у X Y» vs. «у X есть Y» (для современного русского языка такие различия, как известно, выявляются, см. [Селиверстова 1973; Арутюнова, Ширяев 1983: 83–90; Молошная 1987: 93] и др.). Возможно, при наличии *естъ* актуализируется пространственный компонент семантики, ср.: *естъ оу мене ѿнѧ менѣшии дома* (992 г., см. выше контекст (23)); *оу тебе естъ* ‘имеется, сейчас находится’ *Игдзревичъ* (1095 г., пример (25)), т. е. значение становится в большей степени пространственно-посессивным. В таком случае модель без *естъ* типа *Се дружина оу тебе отъна и вои* ‘имеется в твоём распоряжении’ (1015 г., пример (27)) отражает нейтральную для живого древнерусского языка собственно посессивную конструкцию.

- (29) ср. из рассказа об «испытании вер» Владимиром: *Аще хоцещи испытати гораздо то имашин оу собе мужи. пославъ испытати когождо ѿ службу и[кто] како служить бѹ* (ПВЛ, 987 г., Лавр., л. 36 об.).

Оба примера тоже читаются в прямой речи, но *имѣти* выступает в книжных формах нетематического спряжения. Сходная конструкция засвидетельствована и в ст.-слав. памятниках (...*сзкоутиленне иматъ оу тебе* Euch 95а, 23 и некоторые др. [SJS, IV: 570] — значение «по отношению к, пред, для», причем чаще в таком употреблении встречается модель *оу тебе естъ* [Ibid.]). По-видимому, эта контаминация *быти-* и *имѣти-*моделей восходит к южнославянской традиции, однако в ПВЛ оборот имеет собственно посессивное значение — скорее всего, специфически книжное употребление (ср. допустимо в русском языке и сейчас, хотя искусственное использование такой модели), менее вероятно — отражение реальной возможности употребления в XI–XII вв. посессивного оборота *оу* + Р. п. и при глаголе *имѣти*.

В менее книжной сравнительно с ПВЛ КЛ XII в. *быти-*конструкция обладания с *оу* + Р. п. еще более употребительна — здесь она уже доминирует над *имѣти* в значении ‘have’, причем связка *есть* в абсолютном большинстве случаев опущена [Калинина 2019], ср. примеры: *Оу тебе снѣвъ .ѣ. а га ихъ ѿ тебе не ѿгоню а оу мене ѿдина два сѣна Изаславъ и Ростиславъ* (КЛ, 1151 г., л. 156); *оу тебе мало дружины* (КЛ, 1150 г., л. 145 об.); *братѣ оу тебе по бѣѣ Новгородъ силныи и Смоленскъ* (КЛ, 1152 г., л. 164); *вахуть во и оу нихъ кони тоучни велми* (КЛ, 1185 г., л. 223); *воевода же бѣ оу Михалка Володиславъ Ганевъ братъ* (КЛ, 1172 г., л. 199) и др.

По всей видимости, в вост.-слав. традиции эта конструкция все больше начинает восприниматься как черта синтаксиса живого языка, а *имѣти-*конструкция — как признак книжного церк.-слав. синтаксиса.

В некнижных текстах *быти-*конструкция абсолютно доминирует. Многочисленные примеры долговых списков в берестяных грамотах представляют именно конструкцию «*оу* + Р. п. (связка нулевая)» — с самого раннего времени¹⁰. Ср. примеры из ранних грамот (30)–(32).

- (30) *оу Рѣтъкъѣ : гриѣ : оу Хва/лса : гриѣ : оу Тѣшадѣ / .ѣ.* (№ 905, посл. четв. XI в. [Зализняк 2004: 248]);
- (31) *оу Мила гривена : оу Михалла гривен(а) : оу Ильникъ д(в)овѣ гривенѣ оу Косниль / довѣ : оу К[а]поушѣ довѣ гривенѣ : оу [Ар]инѣ гривена : оу Поутилѣ гривена/ (оу)-----гривена : ~ оу Сновн-ѣ гривена : ~оу Неговита поло (гривенѣ)* (Старая Русса № 19, 1 пол. XII в. [Зализняк 2004: 336]) и др.
- (32) Ср. в одном контексте с конструкцией «на + М. п.»: *Шидовичихъ на Нѣгосѣмѣ на Рѣжковѣ за/ти грѣвна Шидовичихъ ꙗ Домана ꙗ Тоудорова и/згона .ї. коунъ...* ‘В Шидовичах за Негосомом, Режковым зятем, гривна. В Шидовичах у Домана, Тудорова изгоя, 10 кун...’ (№ 789, посл. четв. XI в. [Там же: 245]) и др.

Ср. вне долгового списка в более поздней грамоте: *ино у тебе солоду было* (№ 363, втор. пол. XIV в.) — конструкция с Р. п. в партитивном значении при глаголе *быти* (в значении

¹⁰ Эта модель конкурирует в долговых списках с моделью «на + М. п.», ср.: *на Боянѣ въ Роуѣ: грѣна: на Житов(о)удѣ въ Роуѣ .ї. коунъ и грѣна истинѣ...* ‘За Бояном в Русе гривна. За Житобудом в Русе иста (т. е. собственно долга без процентов) 13 кун и гривна...’ (№ 526, XI в. [Зализняк 2004: 241]) и т. п.; реже встречается известная в русском языке и сейчас и часто осложненная семантическим компонентом временности владения [Там же: 163] конструкция «за + Т. п.»: *...цѣто за м[з]/(но)[ю] твориши [за] мзною осмь коунъ и гривна...* ‘Что же ты утверждаешь, будто за мной во семь кун и гривна?’ (№ 238, рубеж XI–XII вв. [Там же: 259]) и т. п. При этом у конструкции «на + М. п.» (тем более «за + Т. п.») более яркое, кажется, первичный пространственный компонент семантики, в то время как «оу + Р. п.» скорее представляет нейтральное посессивное значение.

‘имеется’) без отрицания, известная и сейчас в северных говорах (типа *Было у него сыновей* и т. п.) [Зализняк 2004: 159].

То, что модель «*оу* + Р. п.» с глаголом *быти* была в живом древнерусском языке с самого раннего времени нейтральным способом выражения значения обладания, в определенной степени подтверждается и отражением уже в ранних берестяных грамотах диалектной северо-западной конструкции с «*оу* + Р. п.» в агентивном значении: *Жизнобудѣ погубленѣ оу Сычевичѣ* ‘Жизнобуд убит Сычевичами’ (№ 605/562, посл. четв. XI в.), *оу Михалѣ ѿбѣранѣ(а) половина бѣлѣ* ‘Михалем отобрана (отсортирована) половина белых шкур’ (№ 225, втор. пол. XII в. [Зализняк 2004: 183, 245, 379])¹¹ — ср. диал. *Святые все замучены у людей; одни косточки оставлены у волков* и т. п. или без согласования (безличные) типа *У kota всю руку исцарапано* [Кузьмина, Немченко 1971: 22–24; Трубинский 1983: 221; Зализняк 2004: 183].

Агентивное значение *у* + Р. п. тесно связано с посессивным [Трубинский 1983: 221–223]¹², ср. также [Вайс 1999]. В древненовгородском диалекте XI–XII вв. оба эти значения были представлены.

Таким образом, в вост.-слав. диалектной зоне в живом употреблении уже в XI–XII вв. абсолютно доминировала *быти*-конструкция обладания. При этом ее не следует считать инновацией — скорее напротив, *имѣти*-конструкция, известная, безусловно, с праславянской эпохи (вероятно, в собственном значении ‘have’ — с позднепраславянской), не получает в вост.-слав. зоне активного развития и начинает оцениваться как книжный южнославянизм. Позднее, видимо, в зону распространения славянской *имѣти*-конструкции втягиваются юго-западные и западные вост.-слав. диалекты (укр. и блр.), где употребительны обе конструкции [Молошная 1987: 91–92]. Старорусские же диалекты остаются в стороне от этого процесса — для русского языка *быти*-конструкция так и остается основной и нейтральной, а *имѣти*-конструкция — преимущественно книжной (литературной или официально-деловой).

3. Глагол *имѣти* в инфинитивных сочетаниях со значением будущего

Модальные обороты типа *имамъ* (*имать*) + инфинитив известны в вост.-слав. традиции только в книжных текстах. Их значение «неизбежности, неотвратимости» наступления ситуации (извне), как уже говорилось, развилось на базе значения глагола *имѣти* ‘have’ — хорошо известное развитие глагола обладания в показатель внешней необходимости (см. [Vybee et al. 1994: 183–185], в связи с рассматриваемыми древними славянскими конструкциями см. подробнее [Шевелева 2017: 205–215]). В вост.-слав. текстах эти конструкции чаще всего выражают отнесение ситуации к временному плану будущего, но не всегда¹³ — грамматическим будущим эти модальные сочетания в эпоху старейших памятников не являются [Там же: 209–210]. Впоследствии в вост.-слав. зоне эти модальные обороты с *имать* так и останутся только в книжной традиции, постепенно превращаясь

¹¹ Правда, как отмечает Зализняк, для каждого из этих примеров берестяных грамот в принципе возможно и неагентивное истолкование *оу* + Р. п., «но почти во всех случаях предпочтительно именно истолкование с агентивным *у*» [Зализняк 2004: 183].

¹² Независимо от генезиса агентивного значения, связь его в историческую эпоху с посессивным несомненна, ср. о часто встречающихся в современных северо-западных русских говорах контекстах синкретичного агентивно-посессивного значения: «Идея деятеля не выделяется в нем полностью из синкретичного агентивно-посессивного значения. Чаще всего она находится как бы на грани выделения» (примеры типа *У меня после мужа этот (самовар) куплен...*) [Трубинский 1983: 221].

¹³ Ср. неоднократно обсуждавшийся контекст из ПВЛ: *Пришедше вша и мертвѣ мнѣше [и] вынесше положиша и прѣдъ пещероу и оузрѣвша яко живъ естъ. и рече ичуменъ Демидоси се имать быти ѿ бѣсовскаго*

в застывшие клише, — в отличие от южнославянских языков, развития по пути грамматикализации они не получают.

При этом в ранних книжных текстах, включая ПВЛ, несомненна связь модального значения этих оборотов со значением ‘обладать’ глагола *имѣти*. свободное *имѣти* ‘habere’ и модальный оборот *имать* + инфинитив встречаются даже в пределах одного контекста — в таких случаях связь прямого значения обладания глагола *имѣти* и переносного значения внешней необходимости, неизбежности в его сочетаниях с инфинитивом выявляется вполне отчетливо, ср. контексты (33)–(34).

- (33) *Аще ли побѣгнемъ срамъ имамъ и не имамъ оубѣжати не станемъ крѣпко* (ПВЛ, 970 г., Лавр., л. 21 об. = НПЛмл, л. 40) ‘если же побежим, позор будем иметь (позор будет нам), и ни за что не убежим (нам необходимо не убежать), но станем крепко’.
- (34) *Аще ма бѣсте прелестили в печерь первое, понеже не вѣдахъ кознии вашѣ и лукавства. нонѣ же имамъ ꙗко ꙗко и ба моего и молитву ѡца моего Феодосѣя. надѣюся [на ꙗко] имамъ побѣдити [вѣ]’* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66 = Ипат., л. 72 об.) — ‘теперь имею (со мной) Господа Бога моего Иисуса Христа и молитву отца моего Феодосия (теперь со мной Господь мой Иисус Христос и молитва отца моего Феодосия) ... непременно (неизбежно) одержу над вами победу’.

Употребление *имать*-оборотов в ранних книжных текстах, несомненно, семантически мотивировано: они были известны и вполне понятны с точки зрения специфики значения древнерусским книжникам. При этом в живом языке такие обороты, судя по всем данным, отсутствовали. Их отсутствие в живом употреблении было связано не только с ранней утратой др.-русс. языком нетематического спряжения глагола *имѣти* (см. выше), но прежде всего с самим статусом глагола *имѣти* в вост.-слав. диалектной зоне раннедревнерусской эпохи. Как мы видели, он был известен, но для выражения значения конкретного отчуждаемого обладания в др.-русс. языке XI–XII вв. практически не употреблялся (см. выше). Возникшие на базе этого значения модальные конструкции с *имѣти* тоже были понятны, но в живом языке не употреблялись — они вряд ли и могли возникнуть в диалектной системе, для которой значение *имѣти* ‘habere’ было нехарактерно. Скорее всего, конструкции типа *имать* + инфинитив изначально были южнославянского происхождения и в таком статусе книжных церковнославянизмов для вост.-слав. традиции и остались.

Конструкции *иму* (*иметь*) + инфинитив, получившие широкое распространение в вост.-слав. ареале и развившиеся впоследствии в части диалектов в будущее время, фиксируются в памятниках с XIII в. [Соболевский 2004: 168; Юрьева 2011: 76–86]. В летописной традиции старейшие примеры обнаруживаются в Суздальской летописи [СЛ] за XIII в. (единичный пример под 1283 г.: *Хто иметь держати споръ с своимъ баскакоу тако ему будѣ* СЛ, Лавр., л. 170) и в Волынской летописи втор. пол. XIII в. [ВЛ] (*уже имешь княжити во Краковѣ, тотъ мы готовѣ твои* ВЛ, 1287 г., л. 301 и др., всего четыре примера) — в ПВЛ, в КЛ и в Галицкой летописи перв. пол. XIII в. в составе той же [ГВЛ] их нет [Юрьева 2009: 84–87]. В оригиналах деловых документов эти обороты отмечаются тоже с XIII в. [Соболевский 2004: 168; Юрьева 2011: 76–77]. Стоит, однако, обратить внимание на регулярное употребление их в древнерусских княжеских уставах, архетипы первоначального текста которых большинство исследователей возводят к XII в. (Устав князя Владимира, Устав князя Ярослава о церковных судах) [ДКУ: 12, 85], причем читаются обороты *иметь* + инфинитив в абсолютном большинстве редакций и списков этих уставов без разночтений, что в принципе делает допустимым предположение о принадлежности их тексту XII в. Ср. в заключительных формулах «проклинания» (35)–(36).

дѣйства (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65) ‘это определено (неизбежно, закономерно) произошло (существует сейчас) от бесовского наваждения’, ‘it has to be’ (см. подробнее [Шевелева 2017: 208–210]).

- (35) *кто иметь преступати правила си, или дѣти мои, или правнучата, или в'которомъ городѣ намѣстникъ, или тиоунъ, или соудыа, а помыидать судъ црквины, или кто ныни, да боудѣтъ проклати в сии вѣкъ и в'будуущии семю зборовъ стыхъ ицѣ вселеньскыхъ* (Устав Влад., Син., л. 630 [ДКУ: 24], так же в др. редакциях).
- (36) *Аще кто имѣтъ судити црквины суды что приданы митрополиту стане" съ мною на страш- нымъ судѣ пре^а бгомъ* (Устав Влад., Рум. 232, л. 202 об. [Там же: 45] и др.).
- (37) Ср. вне устойчивых формул: *Аще моу^ж имѣ" красти коноплѣ или ленъ и всакоє жито, митрополиту^ж .бѣ. гривѣ^а...* *Аще кто имѣ" красти сватебное и огородное — все митрополитѣ* (Уст. Ярослав., ГПБ, л. 105 [Там же: 88–89]) и др.

Не исключено, что оборот этот был известен и ранее XIII в.

Формы *иму*, *имеши*, *иметь* и т. д., составляющие основу этого оборота, принадлежат глаголу *яти* 'взять' — однокоренному с *имѣти*, но представляющему собой корневой глагол действия, рано закрепивший значение СВ. Глагол *яти* вполне употребителен в текстах в собственном лексическом значении 'взять', 'взять в плен', в том числе и в образованиях от основы презенса, ср. примеры из ПВЛ (38)–(41).

- (38) *Аще не имевъ Василька то ни тобѣ княженыа Кыевѣ ни мнѣ Володимери* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 87 = Ипат., л. 88 об.);
- (39) *...иди ты Стополѣ на Дѣда любю ими любю прожени и* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 89 = Ипат., л. 90) 'либо возьми (в плен), либо прогони его';
- (40) *...Мы тебе не имемъ ни иного ти зла створи^а* (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92 об.);
- (41) *уже то начнеть врати смердъ и приѣхавъ Половчинъ оударити и стрѣлою и лошадь его поиметь. а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его и все имѣные его* (ПВЛ, 1103 г., Лавр., л. 93 об., РА — *возьмет*) и др.

Известен глагол *яти* (и *яти са*) и в берестяных грамотах, ср.: *а нынѣ ма въ томъ ала кз- нагыни* 'а теперь меня за это схватила (арестовала) княгиня' (№ 109, кон. XI – нач. XII в. [Зализняк 2004: 162, 257–259]) — грамота новгородского (юго-западного) происхождения; *а нынѣково ани по коунѣ на нѣдѣлоу* 'А теперь взяли по куне на неделю' (№ 1002, XII в. [НБГ XII: 101]; ср. от презентной основы: *а [г] рѣзно нь имуо* 'а трех резан не возьму (или: не возьмут)' (№ 994, блок грамот Якима, втор. пол. XII в. [Там же: 94]) и др.

Всеми исследователями отмечалось, что инфинитивная конструкция типа *иметь судити*, *иметь красти* и т. п. не имеет модального значения и близка к значению собственно будущего 'станет, будет судить' и т. п. (см. [Борковский 1949: 147–148; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Юрьева 2011: 86] и др.). Обращалось внимание и на принципиально отличные от конструкций *имать* + инфинитив условия употребления этих оборотов — тяготение их к протасису условной конструкции (см. примеры), что в принципе несовместимо с модальностью внешней необходимости, неотвратимости, выражаемой конструкциями *имать* + инфинитив, часто употребляющимися в главной части условных конструкций и выражающими неизбежность наступления ситуации [Юрьева 2009: 86; Шевелева 2017: 204–205, 211].

Надо признать, что это разные конструкции и пути семантического развития у них разные. Значение оборота *иму* + инфинитив развивается не на базе значения 'имею, обладаю', а на базе значения 'возьму, получу'. Семантика СВ выводит на первый план значение начала существования новой ситуации — не случайно конструкции *иму* + инфинитив называли «будущим начинательным» [Потебня 1888: 366], обращая внимание на сходство их значения со значением оборотов *начьмоу* + инфинитив¹⁴. Действительно,

¹⁴ Надо сказать, что именно А. А. Потебня [1888] подчеркивал необходимость отличать эти конструкции с *иму* от модальных конструкций с *имамъ*: «предполагает вещественное значение не *иметь*, а *брать*, а в грамматическом отношении уже в др.-русс. может быть совершенно».

лишенное модальных компонентов значение конструкций с *иму* оказывается очень близким значению конструкций *начьну* (*почьну*) + инфинитив — в обоих случаях в фокусе наступление новой ситуации¹⁵, контексты употребления тех и других оборотов в др.-русск. эпоху также сходны, ср. те же заключительные формулы «проклинания» с глаголом *почь-неть*: *даже которыи князь по моему княжению почьнеть хотѣти ѿѣти оу стѣо Гевургина. а бѣ боуди за тѣмъ и стѣа бѣа и тѣ стѣи Гевургин* (Мстислав. грам. ок. 1130 г. [Хрест. 1952: 33]); *или кто почьнеть са запырати того. тѣ станеть со мною передъ бѣмъ* (Дух. новгор. Климента до 1270 г. [Там же: 56]) и др. — ср. выше те же формулы с *иметь*.

По-видимому, конструкции с *иму* и *почьну* в древнерусскую эпоху сосуществовали как близкие по значению — по крайней мере, с XIII в., а может быть и раньше¹⁶. Именно эти конструкции получают в вост.-слав. зоне активное развитие и впоследствии окажутся основными конкурентами (наряду с позднее развившимися конструкциями со *стану*) на грамматикализацию в будущее время — это и произошло с *иму*-оборотами в значительной части вост.-слав. диалектов. Ср. пример *иму*-конструкции из берестяной грамоты XIV в., причем в одном контексте с конструкцией *почьну* + инфинитив (42).

- (42) *какъ / имешь продавать и ты / дай намъ ржи на полти / ну какъ людомъ поц/нешь давать* (№ 364, втор. пол. XIV в.) — перевод А. А. Зализняка [2004: 606]: ‘Когда будешь продавать, дай нам ржи на полтину — как людям станешь давать (т. е. на тех же условиях)’.

По мнению А. А. Зализняка, сочетание *поцнешь давать* носит здесь более свободный характер, чем *имешь продавать*, обладающее, по-видимому, «[н]есколько большей степенью грамматикализации» [Там же: 607] — вполне вероятно для второй половины XIV в.¹⁷

Таким образом, получившие развитие в вост.-слав. зоне и впоследствии грамматикализовавшиеся в части диалектов в будущее время обороты *иму* + инфинитив сформировались на базе значения ‘взять’, в силу своей аспектуальной семантики (СВ) близкому к начинательному ‘начать’. При этом значение ‘взять, получить’ принадлежит в то же время и семантической сфере обладания. Модальные обороты *имамъ* + инфинитив не получили в вост.-слав. зоне развития в силу нехарактерности для нее самого глагола *имѣти* в значении ‘habere’ (см. выше). Глагол же *ѣти* ‘взять’, как и производный от него *имати* ‘брать’, вполне были для др.-русск. диалектов характерны. Поэтому и переносное значение инфинитивных конструкций с *иму* вполне может развиваться на базе значения ‘взять, получить’,

¹⁵ Развитие значения ‘взять что-л. делать’ в значение ‘начать что-л. делать’ хорошо подтверждается диалектными и фольклорными данными, ср. выделяемое диалектными словарями у глагола *взять* в сочетании с инфинитивом значение «начать делать что-л.», «приняться делать то, что обозначено глаголом» [СРНГ, 4: 271; АОС, 4: 81], ср. примеры: *Когда грядки рвать возьму* Арх., Мез.; *Он ѣво взял бить* Арх., Вел.; *...стали еѣ поливать, горошина взяла расти выше избы Волог., Афанасьев; Стала тут сорока выщекатывать, взяла тут сорока выговаривать* Онеж. Арх., Гильфердинг [Там же] и др.

¹⁶ Как уже говорилось, решение вопроса о наличии *иму*-оборотов в др.-русск. языке XII в. и ранее во многом зависит от лингвотекстологического исследования и датировки древнерусских княжеских уставов.

¹⁷ До недавнего времени этот пример был единственным известным примером *иму*-конструкции в берестяных грамотах [Зализняк 2004: 607]; самым ранним он остается и до сих пор, однако обнаружилось два аналогичных примера в более поздней грамоте (XV в.), ср.: *Давалъ ѣси пожни в наймы, і хѣто иметь тыи пожни косить, и азъ тыхъ понимаю да траву на воротъ взважу, да ихъ веду в городъ.⟨...⟩* Толко, оспо, *имете мене жаловать ѿѣшлите, осподо, {п}ко мнѣ грамотьку до Петрова дни ...* (№ 962, XV в.) — перевод А. А. Зализняка: «Ты давал пожни в наймы, а кто будет те пожни косить, тех я схвачу, да траву на шею привяжу и поведу в город ⟨...⟩ Если, господа, меня пожалуете, то отошлите, господа, ко мне грамотку до Петрова дня ...» [НБГ XII: 69, 73].

тоже принадлежащего семантической сфере обладания, но при этом имеющего в фокусе начало существования ситуации и вполне представленного в не книжном языке¹⁸.

Вообще значения из сферы обладания типа ‘взять, получить’ (‘get’, ‘catch’) типологически известны — наряду с ‘have’ — как источник грамматикализации будущего времени [Bybee et al. 1994: 253, 258]. Хотя путь такой грамматикализации чаще идет, как и для прочих значений из сферы обладания, через стадию облигаторных модальных конструкций, возможно и непосредственное («direct») развитие от обладания (в разных его видах) к будущему [Там же: 258–262]. Это мы и наблюдаем у древнерусских конструкций с *иму*, а аспектуальная семантика СВ и фокусирование на начальной стадии существования ситуации (ср. возможный перенос ‘взять что-л. делать’ → ‘начать что-л. делать’) сближает их с конструкциями с *начьну* / *почьну*. Грамматикализации в будущее время *иму*-конструкции достигнут после XIV в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. Гецовой О. Г. М.: Изд-во МГУ, 1980—. Вып. 1—.
- ВЛ — Волынская летопись второй половины XIII в. по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998.
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997.
- НБГ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.
- НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛмл).
- РА — Радзивиловский и Академический списки Повести временных лет в разночтениях к Лаврентьевскому (см. Лавр.).
- СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. М., 1988–.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).
- Срезневский, I–III — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. М.; Л.: Наука, 1965—. Вып. 1—.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.
- ССС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Цейтлин Р. М., Вечерки Р., Благовой Э. М.: Русский язык, 1999.
- Фасмер, I–IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Хрест. 1952 — Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1952.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 1—. М.: Наука, 1974—.
- SJS, I–IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha: Academia, 1966–1997.

¹⁸ Показательно, что и в одном из немногих имеющихся случаев употребления *имѣти* в берестяных грамотах, причем единственном без признаков книжности, этот глагол выступает в значении СВ: [*имѣти отъ зюу осино на десѣте*] № 1014 ‘получить на долю’ (или ‘получить, взять от Зуя’) — см. выше 1.2, пример (22).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова, Ширяев 1983 — Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. [Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. *Russkoe predlozhenie: Bytiinyi tip (struktura i znachenie)* [The Russian sentence: Existential type (structure and meaning)]. Moscow: Russkii Yazyk, 1983.]
- Бенвенист 1952/2002 — Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. *Общая лингвистика*. Бенвенист Э. Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2002, 203–224. [Benveniste E. The verbs *to be* and *to have* and their functions in language. *Obshchaya lingvistika*. Benveniste E. Transl. into Russian. Moscow: Editorial URSS, 2002, 203–224.]
- Борковский 1949 — Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1949. [Borkovskii V. I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot (Prostoe predlozhenie)* [Syntax of Old Russian letters (Simple sentence)]. Lvov: Lvov State Univ. Publ., 1949.]
- Байс 1999 — Байс Д. Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру (Вопрос о возможном агентивном значении модели «у + имя_{род.}»). *Типология и теория языка. От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика*. Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1999, 173–186. [Weiss D. A preposition that made a brilliant career (on the hypothetical agentive meaning of the construction “u + noun_{gen}”). *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob’asneniyu. K 60-letiyu A. E. Kibrika*. Rakhilina E. V., Testelet Ya. G. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul’tury, 1999.]
- Гиппиус 2001 — Гиппиус А. А. *Рекоша дружина Игореву*: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи [Gippius A. A. *Rekoša družina Igorevi*: Towards textological stratification of the Primary Chronicle]. *Russian Linguistics*, 2001, 25: 147–181.
- Гиппиус 2012 — Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции. *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. Макаров Н. А. (отв. ред.). М.; Вологда: Древности Севера, 2012, 37–63. [Gippius A. A. Before and after the Primary Codex: Early chronicle history of Russia as an object of textological reconstruction. *Rus’ v IX–X vekakh. Arkheologicheskaya panorama*. Makarov N. A. (ed.). Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2012, 37–63.]
- Гиро-Вебер, Микаэлян 2004 — Гиро-Вебер М., Микаэлян И. В защиту глагола *иметь*. *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004, 54–68. [Guiraud-Weber M., Mikaelyan I. In defense of the verb *imet’*. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul’tura. Sbornik statei v chest’ N. D. Arutyunovoi*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2004, 54–68.]
- Горшкова, Хабургаев 1981 — Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. *Историческая грамматика русского языка*. М.: Высшая школа, 1981. [Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]
- Гудков 1963 — Гудков В. П. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках. *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*, 1963, 38: 38–45. [Gudkov V. P. A parallel from the history of future forms in Serbo-Croatian and Russian. *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*, 1963, 38: 38–45.]
- Живов 2004 — Живов В. М. *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zhivov V. M. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on historical morphology of the 17th–18th centuries Russian language]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2004.]
- Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. [Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis’mennosti* [History of the language of Russian literary texts]. Vol. I. Moscow: Dmitry Pozharsky Univ., 2017.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. [Zaliznyak A. A. *«Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista* [The Tale of Igor’s Campaign: A linguist’s viewpoint]. 3rd edn. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2008.]
- Калинина 2019 — Калинина А. А. *Предикативные посессивные конструкции в языке древнерусских летописей (на материале Киевской, Суздальской и Новгородской первой летописи старшего*

- извода). Курсовая работа. М.: МГУ, 2019. [Kalinina A. A. *Predikativnye posessivnye konstruktii v yazyke drevnerusskikh letopisei (na materiale Kievskoi, Suzdal'skoi i Novgorodskoi pervoi letopisi starshego izvoda)* [Predicative possessive constructions in the language of Old Russian chronicles (based on Kievan, Suzdal, and Novgorod First Chronicle)]. Term paper. Moscow: Moscow State Univ., 2019.]
- Кузнецов 1953 — Кузнецов П. С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. М.: Изд-во МГУ, 1953. [Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of Russian. Morphology]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1953.]
- Кузнецов 1959 — Кузнецов П. С. *Очерки исторической морфологии русского языка*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. [Kuznetsov P. S. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka* [Essays on historical morphology of Russian]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959.]
- Кузьмина, Немченко 1971 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука, 1971. [Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participial forms in Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Мейе 1951 — Мейе А. *Общеславянский язык*. Пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. [Meillet A. *Le slave commun*. Paris: Honoré Champion, 1934. Transl. into Russian.]
- Молошная 1987 — Молошная Т. Н. Глагольные конструкции со значением обладания и посессивный перфект в славянских языках. *Советское славяноведение*, 1987, 4: 91–104. [Moloshnaya T. N. Verbal possessive constructions and possessive perfect in Slavic. *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1987, 4: 91–104.]
- Мустафина, Хабургаев 1985 — Мустафина Э. К., Хабургаев Г. А. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имать*, *хощу* и *могу* (на материале «Повести временных лет» по спискам XIV–XV вв.). *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*, 1985, 2: 20–32. [Mustafina E. K., Khaburgaev G. A. The problem of Old Russian periphrastic future with *imati*, *hošču*, and *moğu* (based on the 14th–15th century versions of the Primary Chronicle). *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*, 1985, 2: 20–32.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Потебня 1888 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Харьков: Типография М. Ф. Зильберберга, 1888. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [Selected writings on the Russian grammar]. Vol. 1–2. Kharkov: M. F. Silberberg Publ., 1888.]
- Селиверстова 1973 — Селиверстова О. Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть*. *Вопросы языкознания*, 1973, 5: 95–105. [Seliverstova O. N. Semantic analysis of predicative possessive constructions with the verb 'to be'. *Voprosy Jazykoznanija*, 1973, 5: 95–105.]
- Соболевский 2004 — Соболевский А. И. *Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. *Труды по истории русского языка*. Т. 1. Соболевский А. И. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Sobolevskii A. I. *Lectures on history of the Russian language*. 4th edn. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. Vol. 1. Sobolevskii A. I. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Трубинский 1983 — Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Неделков В. П. (отв. ред.). Л.: Наука, 1983, 216–226. [Trubinskii V. I. Resultative, passive, and perfect in certain Russian dialects. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 216–226.]
- Шевелева 2017 — Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хотеть быти* в ранних восточнославянских текстах. *Русский язык в научном освещении*, 2017, 2(34): 194–218. [Sheveleva M. N. On the grammatical semantics of the periphrastic constructions like *imati byti* vs. *hoščeti byti* in early East Slavic texts. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2017, 2(34): 194–218.]
- Юрьева 2009 — Юрьева И. С. *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.* Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009. [Yur'eva I. S. *Semantika glagolov iměti, hotěti, načati (počati) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vv.* [Semantics of the verbs *iměti*, *hotěti*, *načati* (*počati*) in combination with infinitives in Old Russian of 12th–15th centuries]. Ph.D. diss. Moscow: Moscow State Univ., 2009.]

- Юрьева 2011 — Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имать* и *имоу* в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении*, 2011, 2(22): 68–88. [Yur'eva I. S. The infinitive constructions with the verbs *imati* and *imu* in Old Russian texts. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2011, 2(22): 68–88.]
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Pagliuca W., Perkins R. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Dingley 1995 — Dingley J. IMĖTI in the Laurentian redaction of the Primary Chronicle. *The language and verse of Russia. In honor of Dean S. Worth. On his sixty-fifth birthday*. Birnbaum H., Flier M. S. (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995, 80–87.
- Isačenko 1974 — Isačenko A. On 'Have' and 'Be' languages. *Slavic Forum. Essays in linguistics and literature*. Flier M. (ed.). The Hague: Mouton, 1974, 43–77.

Получено / received 25.01.2019

Принято / accepted 14.05.2019